

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с III в. н.э., сначала в Иран, а затем и в пределы Западного и Восточного Туркестана стали проникать из Византийской империи, Сирии, Вавилона, Египта носители различных сакральных систем — манихейства, несторианского христианства, сдобренных компиляциями из разных учений гностицизма и неоплатонизма, христианства и мистических воззрений Востока и Запада. С Востока — из Северной Индии, Кашмира, Тибета, позже из Китая — к южным границам тюркских государств просачивались буддийские миссионеры, носители идей махаяны и хинаяны. Все они оставили следы своего влияния в мировоззрении тюркских народов, а также письменные свидетельства своего величия в таких городах, как Самарканд, Бухара, Тараз, оазисах Турфана, Кочо и Тарима, на подступах к Восточнотюркскому каганату на берегах Орхона и Селенги, вплоть до верховьев Енисея. Правители тюркских каганатов умели манипулировать сакральными воззрениями, например, буддизма или христианства, преследуя, прежде всего, геополитические цели во время выхода на историческую арену.

Этот обширный регион притягивал к себе в разные эпохи многих путешественников и ученых: в наше время многочисленные археологические и этнографические экспедиции, посвященные изучению письменных памятников, архитектуры, языка, обычаев и нравов автохтонного населения этого региона. Многие памятники культуры и рукописи были вывезены за пределы тех регионов, где они были обнаружены, и сегодня хранятся в музеях и библиотеках в основном в Европе, да и в других местах мира. Так, например, коллекция А. Стейна хранится в Британском музее, А. фон Ле Кока — в Берлинской библиотеке, коллекция П. Пельо — в Парижской библиотеке, С.Ф. Ольденбурга — в Институте востоковедения РАН в Петербурге, коллекция Отани Сёсина — в Японии, а также редкие рукописи и артефакты в других странах.

Изучение этого материала, собранного в разное время, стало объектом исследования многих ученых. Изданы тысячи трудов

и статей по разным вопросам идеологии, философии, религии, культуры, языка и истории народов, освещенных в рукописях ойкумены.

Мы в настоящей работе попытаемся осветить и вскрыть проблемы, связанные с миссионерской деятельностью носителей разных сакральных систем, проникших в исследуемый регион как с Запада, так и с Востока. Интерес к этой проблеме у меня появился еще в 90-е годы XX в., когда была завершена мною докторская диссертация, посвященная языку письменных памятников Византии рубежа VIII–IX вв., а также тому, как эти тексты переводились в Выдубицком монастыре в XI в. при дворе киевского князя Ярослава Мудрого. Наряду с другими византийскими сочинениями мы выбрали и определили крупный по объему текст — «Хронику» Георгия Амартола, в которой мы обратили свое внимание на то обстоятельство, что в содержании этого произведения очень много мест посвящено религии и ересям, борьбе с ними и как эти еретики спасались и уходили от преследования на Восток. Поэтому сегодня, тщательно перечитывая среднегреческий текст, изданный Карлом де Боором, и текст «Хроники» Георгия Амартола, изданный в начале XX в. Василием Михайловичем Истриным, мы попытались проследить за деятельностью миссионеров, которые действовали вначале в Иране, а затем оказались в тюркской среде, и стали выявлять, кто из них и что внес в идеологическую составляющую Западного и Восточного Туркестана.

В итоге нашего исследования мы обнаружили, что в некоторых исследованиях моих предшественников допущен ряд неточностей в освещении конфессиональной ситуации исследуемого региона. Это коснулось некоторых как западных, так и наших отечественных ученых. Мы ни в коем случае не умаляем их заслуг, они проделали гигантскую работу, и это неоспоримый факт: они обогатили тюркологию нарративными источниками. Однако большинство теоретических работ было написано в начале и середине XX в., а в настоящее время появилась настоятельная потребность и возможность для уточнения некоторых фундаментальных положений исследуемой эпохи и освещения

их с новейших научных методологических основ для изучения и обнаружения, как же все-таки складывалась та или иная сакральная система эпохи раннего и позднего Средневековья тюркской ойкумены.

Возникает естественный вопрос: а почему мы должны доверять подобным нарративным источникам, таким как «Хроника» Георгия Амартола, да и другим источникам, независимо от того, что они были опубликованы недавно, например, публикациям по манихейству Е.Б. Смагиной и других?

Исследуя манихейскую доктрину, мы осмыслили основные идеи в трудах ранних гностиков, заново обратились к трудам Плотина, фактически создавшего неоплатонизм, обратили внимание на информацию Георгия Амартола в его всемирной истории и на издание Е.Б. Смагиной, посвященное манихейству, с приложением основных трудов Мани и его последователей, и, конечно, на другие издания нарративных источников.

Теперь что касается «Хроники» Георгия Амартола. Автор хроники трудился над своим детищем, начиная с 842 г., в одном константинопольском монастыре. Когда он завершил свою хронику, то сей труд стал самым читаемым среди других византийских хроник, превосходя любую из них по числу переработок и продолжений. Хроника эта по охвату событий — полная, или всемирная, история; по пафосу — христианско-монашеская; по составу — принципиально компилятивная, освещающая тонкости всех сакральных и идеологических явлений своего времени. Временные рамки — от Адама до современника Георгия Амартола императора Михаила III (842–867). Содержательный стержень этого труда можно определить так: с одной стороны, «царствования» ойкумены, с другой, описание религиозных течений с фактологической точностью и четкой характеристикой тех или иных ересей, оппонировавших ортодоксам православной церкви. Такие источники дают сведения для уточнения и объективного освещения религиозной ситуации раннего Средневековья в целом и, главное, помогают определить, какие же процессы оказывали воздействие во время ста-

новления и распространения той или иной религии в регионах Центральной Азии.

В отдельном блоке настоящей книги содержатся очерки по языковедению, критические статьи и переводы, представлены очерки разных лет по теоретическим проблемам языковедения (1-я часть), а также критические статьи, посвященные творчеству современных писателей Грузии и России (2-я часть). В 3-й части предоставляется вниманию читателей поэтический перевод древнетюркского памятника письменности в честь Кюльтегина (VIII в. н.э.). Этот памятник был переведен нами еще в начале 90-х гг. XX в., доработан и опубликован в литературных изданиях России, Польши и Канады в 2018 г.